

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2019

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 16, № 1

весна

2019

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 36

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Анисеева** (Москва, ФГУП «Издательство «Наука»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хунъинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Посвящение Н.М. Карамзина, адресованное императору Александру I, в китайском переводе «Истории государства Российского». Введение, перевод с китайского и маньчжурского, примечания
Т.А. Пан, Д.И. Маяцкого, Лю Жо-мэй **5**

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Е.П. Островская.* Проблема свободы воли в буддийской антропологии **35**
Ю.А. Иоаннесян. Некоторые важные отличительные черты хорасанской группы персидских диалектов от говоров афгано-таджикской диалектной группы **50**
А.А. Амбарцумян. Праздник «Баба-Шуджа-уд-Дин» в средневековом Иране **75**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- М.М. Юнусов.* Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. V. Дешифровка пальмирского алфавита: Дж. Свинтон и Ж.-Ж. Бартелеми. Часть I **90**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- А.В. Зорин, А.А. Сизова.* К истории формирования и обработки фонда тибетских текстов из Хара-Хото в собрании ИВР РАН **114**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Т.В. Ермакова.* Городская конференция «Актуальные проблемы буддологических исследований–6» (Санкт-Петербург, 4 июля 2018 г.) **139**
А.В. Зорин. Седьмые петербургские тибетологические чтения (Санкт-Петербург, 7 сентября 2018 г.) **143**

РЕЦЕНЗИИ

- Эйделькинд Я.Д.* Песнь Песней: перевод и филологический комментарий к главам 1–3. — М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2015 (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Вып. 53/1, 53/2). В 2 ч. Ч. 1, с. 1–156, I–VIII, ч. 2, с. 157–536 (*К.А. Битнер*) **146**
D. Burton. Buddhism: A Contemporary Philosophical Investigation. — New York: Routledge, 2017. — viii + 212 pp. (*С.Л. Бурмистров*) **150**
Б.Б. Лаикарбеков. Ваханский глагол в историческом аспекте. — М.: Языки Народов Мира; ТЕЗАУРУС, 2018. — 172 с. (*О.М. Чунакова*) **157**
Анно Масаки. Нагасаки — город иезуитов. Общество Иисуса в Японии XVI века / Перевод с японского Вячеслава Онищенко. — СПб.: Гиперион, 2018. — 254 с. — ISBN 978-5-89332-321-4 (*К.Г. Маранджян*) **164**

На четвертой стороне обложки:

Маньчжурский текст посвящения Н.М. Карамзина императору Александру I в переводе «Истории государства Российского». Рукопись НБ СПбГУ Хул. F-60, л. 3а

Рецензия на книгу:

Б.Б. Лашкарбеков.

Ваханский глагол в историческом аспекте. —

М.: Языки Народов Мира; ТЕЗАУРУС, 2018. — 172 с. — ISBN 978-5-98421-342-4

О.М. Чунакова

Институт восточных рукописей РАН, Восточный факультет СПбГУ

DOI: 10.7868/S1811806219010114

Ключевые слова: иранский глагол, иранское историческое языкознание, ваханский язык, памирские языки.

Рецензия поступила в редакцию 15.10.2018.

Чунакова Ольга Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18; профессор кафедры иранской филологии, Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета, РФ; 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9 (ochunakova@inbox.ru).

© Чунакова О.М., 2019

Издательство «Языки Народов Мира; ТЕЗАУРУС» под грифом Института языкознания РАН опубликовало монографию Б. Лашкарбекова «Ваханский глагол в историческом аспекте». Богшо Богшоевич Лашкарбеков (1948–2014), кандидат филологических наук, иранист-филолог, специалист по памирским языкам, известный общественный и политический деятель, являлся старшим научным сотрудником Сектора иранских языков ИЯ РАН. Ваханский язык, исследованию которого он посвятил свою жизнь, вместе с шугнано-рушанскими языками (шугнанским, рушанским, бартангским, рошорвским, сарыкольским), язгулемским, ишкашимским и мунджанским относится к памирским языкам, входящим в восточную ветвь иранской языковой группы. Общая численность ваханцев, населяющих области между Памиром и Восточным Гиндукушем, около 90 000 человек, на территории Таджикистана проживает до 20 000. Ваханский язык не имеет письменных памятников, поэтому он изучается на материале его современного состояния. Живущие в Таджикистане ваханцы пользуются письменностью, разработанной на основе кириллицы и латиницы.

Опубликованная работа, которую предваряет Предисловие (с. 5–7) о Б. Лашкарбекове как ученом и человеке, написанное академиком РАН И.М. Стеблин-Каменским,

содержит, с некоторыми изменениями и дополнениями, текст диссертации Б. Лашкарбекова на соискание ученой степени кандидата филологических наук, защищенной в Институте языкознания в мае 1984 г. В нее включены также три приложения: таблицы глагольных основ по историческим типам; автореферат диссертации и список трудов автора, подготовленный издателями — М.Б. Лашкарбековой и Л.Р. Додыхудоевой.

Монография состоит из Введения, семи глав и Заключения. Во Введении (с. 9–23) автор дает общие сведения о ваханском языке и истории его изучения в синхронном и сравнительно-историческом плане. Ваханский язык стал объектом внимания исследователей со второй половины XIX в., когда после публикации отдельных слов появились работы, описывающие грамматический строй языка, а также содержащие связные тексты и словари. Вслед за пионерскими работами Р.Б. Шоу, В. Томашека и В. Гейгера были опубликованы труды Г. Моргенстиерне, Д.Л.Р. Лоримера и отечественных ученых И.И. Зарубина, С.И. Климчицкого, В.С. Соколовой, Т.Н. Пахалиной, А.Л. Грюнберга и И.М. Стеблин-Каменского. Особое внимание во Введении уделено описанию фонетических, морфологических и лексических особенностей говоров ваханского языка, а именно верхнего, нижнего и лянгарского — подговора внутри верхнего говора. Автор указывает, что верхний говор сохранил более архаичную структуру, а нижний, вследствие более интенсивного влияния таджикского языка, утратил большое количество собственно ваханских слов.

Глава первая «Настояще-будущее время» (с. 24–46) состоит из трех разделов, посвященных основе, личной форме и значению форм настоящего-будущего времени нейтрального наклонения. В первом разделе утверждается, что между ваханской системой настоящего-будущего времени и системой древнеиранского презенса существует определенная связь и в современных глагольных основах четко запечатлены следы исторических процессов. Лучше всего сохранились следы глагольных классов, носивших залоговые и модально-временные значения, развившиеся в переходные и непереходные основы с определенными суффиксами и корневыми огласовками. В главе подробно описаны пять исторических и один инновационный тип основ, а именно: 1) тип каузативных основ на **-ауа*, ставших в ваханском основами каузативных глаголов, с подъемом корневого гласного — при этом сильная огласовка основы ($bi < *ā$) стала в ваханском основной приметой переходности глагола (45 глаголов из засвидетельствованных 50 являются переходными); 2) тип медиальных основ на **-уа*, уже на протоваханском уровне ставших непереходными, что проявляется в исходном элементе *-ау*, в наличии некорневого *-i* перед показателем 3 л. ед.ч., в церебральном исходе *-с* и в отражении **a > ə* в односложных основах; 3) тип нейтральных в залоговом отношении основ на **-а* со средней степенью огласовки корневого гласного, в который вошли также древнеиранские корневые основы в результате их тематизации; 4) тип переходных основ с инфиксом или суффиксом **-n(-)*, которые значительно уступают по количеству предыдущим классам; 5) тип основ на **-s(a)*, перешедших в ваханском языке в разряд непереходных основ. Инновационный тип основы на *-by* возник на позднем этапе в связи с отмиранием старых показателей переходности и получил широкое распространение.

В разделе о личной форме настоящего-будущего времени показано, что она восходит к древнеиранскому презенсу индикатива актива, при этом в ходе исторического развития тематические гласные отходят от основы к личным окончаниям. В разделе о значении настоящего-будущего времени указано, что эта глагольная форма много-

значна в плане выражения времени и характера действия, что обусловлено усвоением ею значений других древнеиранских презентных форм, в том числе модальных (конъюнктива и оптатива), исчезнувших в результате распада флексий. Таким образом, эта форма может быть изъявительной и, с определенными частицами, может быть неизъявительной и выражать длительность, многократность и момент действия.

Глава вторая «Прошедшее время» (с. 47–68), посвященная рассмотрению категории прошедшего времени, состоит из двух разделов, в которых рассматриваются основы и формы прошедшего времени. В первом разделе говорится, что в современном ваханском имеются два типа прошедших основ: краткие, исходящие на *-t/d* или на *-n*, и полные, осложненные элементом *-i/əy*; а по соотношению с основами настоящего времени они разделяются на правильные и неправильные. Правильные глаголы делятся на три группы: образованные от основ настоящего времени с помощью форманта *-t/d* (*-i/əy*); основы, в которых регулярно чередуется огласовка *ы:о*; каузативные (переходные) основы с суффиксом *-ыv*, у которых чередуется огласовка суффикса при неизменности корневой гласной основы. К неправильным глаголам относятся те, у которых основы прошедшего времени отличаются от основ настоящего времени какими-либо нерегулярными изменениями в корне как гласных, так и согласных. Основы прошедшего времени неправильных глаголов продолжают старые древнеиранские именные образования. По признаку чередования согласных корня выделяются основы с исходом на *-n* (с основами настоящего времени на *-c*, *-č*, *-š*; *-δ*) и основы с исходом на *-t/d* (с основами настоящего времени на *-n*, *-nd*, *-p*). Неправильные глаголы можно также сгруппировать по признаку чередования коренных гласных (основы настоящего времени с *ы*, *і*, *ə* и *a* чередуются, соответственно, с *ə*, *ə*, *a* и *ə*). Переходность и непереходность для основ прошедшего времени маркируется, как и для основ настоящего, суффиксом *-ov* или огласовкой *o*. В историческом аспекте выделяются три типа основ прошедшего времени: основы, восходящие непосредственно к древнеиранским отглагольным именам на **-ta*, **-ti* и **-na* с перегласовкой корневых гласных; ранневаханские вторичные основы с регулярно чередующимися огласовками *ы:о* и поздние вторичные основы, возникшие в результате позднего образования от основ настояще-будущего времени.

В разделе о форме прошедшего времени указано, что она отличается от формы настояще-будущего времени употреблением подвижных показателей лица и числа глагола (в настояще-будущем времени используются личные окончания) и наличием двух типов предложения, которые в соответствии с падежной формой субъекта называются прямой и косвенной конструкцией. В историческом плане прямая и косвенная конструкции представляют собой древнеиранские предикативные обороты. Переходные причастия на **-ta* приобретали пассивное значение, и для выражения активного деятеля требовалась постановка субъекта действия в косвенном падеже, что привело к развитию косвенной (эргативной) конструкции. Прямую конструкцию продолжили непереходные глаголы. В ваханском языке в образовании косвенной конструкции участвовали также отглагольные имена, создавшие предикативные обороты притяжательного типа с энклитическими местоимениями, что привело к согласованию предиката с субъектом действия, исключая возможность эргативного согласования. Притяжательная конструкция могла сочетаться и с непереходными глаголами и потому была нейтральной к переходности/непереходности, что сблизило ее функционально с прямой конструкцией. В результате происходит смешение личных показа-

телей, т.е. глагольной связки, с энклитическими местоимениями, и косвенная конструкция, как избыточная, вытесняется.

Глава третья «Предикативная связка. Провербы» (с. 69–73) состоит из двух разделов и посвящена рассмотрению предикативной связки в историческом развитии и историческим провербам, сохранившимся в ваханском в составе неразложимых основ. В первом разделе показано, что предикативная связка древнеиранской формы глагола *ah-* «быть, являться», а затем и связочные элементы перестраивались по аналогии с происходящими от энклитических местоимений подвижными показателями лица и числа глагола (*-am, -at, -an, -av*). Во втором разделе приводится список сохранившихся в ваханском языке исторических провербов (**ni-, *pati-, *upa-, *fra-, *ava-, *vi-, *uz-, *avi-*) и перечисляются глаголы, в которых они сохранились.

Глава четвертая «Перфект» (с. 74–82) состоит из двух разделов, в которых рассматриваются основы перфекта, а также его форма и значение. В первом разделе описываются основы, которые, как и основы прошедшего времени, делятся на правильные и неправильные. Первые образуются от основ настоящего времени с помощью суффикса *-atk*, вторые являются застывшими формами с исходом на *-k, -g*. В историческом аспекте основы перфекта являются результатом трех ступеней развития: 1) основы, образованные от древнеиранских вторичных форм причастия на **-ta* прибавлением суффикса **-ka*, в результате чего возникли старые перфектные основы; 2) основы, образованные от основ прошедшего времени, различающихся по переходности/непереходности, так называемые ранневаханские вторичные перфектные основы; 3) перфектные основы позднего происхождения, образованные по правильному типу от основ настоящего времени с помощью ударного суффикса *-atk*.

Что касается формы и значения перфекта, то он построен по аналогии с формой прошедшего времени при помощи подвижных показателей лица и числа, с прямой и косвенной конструкцией предложения и с безразличием к переходности/непереходности. Перфект употребляется для выражения результативности действия.

Глава пятая «Неспрягаемые формы глагола (инфинитив и имя действия)» (с. 83–90) посвящена описанию двух близких по значению форм отглагольных имен: формы на *-ak*, вследствие ее универсальности определяемой как «инфинитив», и формы на *-n*, ограниченной в употреблении и определяемой как «имя действия». Форма на *-ak* приобретает значение инфинитива на позднем этапе и образуется, как и все поздние формы, от основ настоящего времени по правильному типу. Имена действия на *-n* восходят к древнеиранским именам на **-na* трех типов: формы, восходящие к древнему состоянию; формы, образованные на ранней стадии от основ прошедшего времени; формы позднего происхождения, возникшие от основ настоящего времени. Обе формы совмещают в себе значение неопределенного наклонения и отглагольного имени действия, однако сфера употребления формы на *-n* в настоящее время сузилась и является непродуктивной.

Глава шестая «Поздние глагольные формы» (с. 91–98) состоит из двух разделов, посвященных описанию форм, которые возникли в результате вторичного синтеза на собственно ваханской почве, а именно двух спрягаемых форм — плюсквамперфекта нейтрального наклонения и предположительного плюсквамперфекта, и двух неизменяемых форм — причастия настоящего времени и причастия прошедшего времени. В первом разделе говорится, что обе спрягаемые формы образованы от основ перфекта с помощью, в одном случае, прошедшего времени вспомогательного глагола *ta:tu* «быть, являться», а в другом — с помощью основ настоящего времени вспомо-

гательного глагола *ытыу* «быть бы; являться бы». По семантике первый вспомогательный глагол выражает действие изъявительного наклонения, второй — неизъявительного, ирреального действия всякого рода, чем и обусловлено развитие двух параллельных форм плюсквамперфекта. Непрягаемые формы представляют собой причастия настоящего времени на *-ызг* от основ инфинитива и причастия прошедшего времени на *-in/-ынг* от основ перфекта. Первые причастия образовались на ранней стадии развития языка, когда оказались вытесненными старые формы причастия настоящего времени, а вторые — в более позднее время, когда вторичная форма причастия стала усваивать значение и функции спрягаемых основ перфекта.

Глава седьмая «Явления языковой перестройки в ваханском языке» (с. 99–103) посвящена описанию некоторых живых языковых процессов на материале ваханского языка. Суть этих процессов — перестройка глагольных основ прошедшего времени, перфекта, плюсквамперфекта, а также отглагольных имен по аналогии с основами настоящего времени. Эта тенденция зародилась на ранней стадии развития языка, когда основы прошедшего времени стали усваивать некоторые признаки основ настоящего, разделившись на переходные и непереходные. Современный процесс перестройки характеризуется заменой древних и ранневаханских глагольных основ новыми, образованными от основ презенса. Следствием перестройки глагольных основ в ваханском языке стало возникновение различных типов правильных и неправильных основ. Статистические данные, приведенные автором, показывают, что в существующем в ваханском языке глагольном фонде чисто неправильные глаголы составляют 10%, неправильные глаголы, имеющие параллельные правильные формы, составляют 7%, т.е. унаследованные старые основы близки к полному исчезновению. Суть языковой перестройки ваханского глагола заключается в создании системы правильных основ.

В Заключение (с. 104–109) автор подводит итоги исследования, которые сводятся к следующему: ваханский глагол складывался на протяжении трех периодов языкового развития и в его развитии можно выделить протоваханское, ранневаханское и поздневаханское состояния; каждый период является новой стадией в эволюции его морфологических форм.

Протоваханское состояние — это период становления некоего восточноиранского диалекта, легшего в основу ваханского языка. В этот период упрощается морфологическая структура глагола и число глагольных классов сокращается до пяти; эти классы наполняются более четким значением и становятся более продуктивными. Наиболее употребительной формой становится презенс индикатива актива, который лег в основу современной формы настояще-будущего времени; активизируется употребление причастных и именных оборотов взамен личных форм претерита; косвенная конструкция строится по притяжательному типу с помощью энклитических местоимений, что приводит к субъективному согласованию, и т.д. Большая часть особенностей ваханского языка в этот период сближает его с остальными памирскими языками.

Ранневаханский период определяется появлением ваханских новообразований, а именно появлением отглагольных имен на базе основы прошедшего времени; оформлением основы прошедшего времени как формы, коррелирующей с основой настоящего, с противоположением обеих основ по признаку времени; превращением пассивного причастия в основу прошедшего времени с активным значением, что привело к нейтрализации прямой и косвенной конструкции.

Поздневаханский период характеризуется новообразованиями от основы настоящего времени. Появился новый суффикс переходности; древнеиранское причастие на

*-*taka* превратилось в основу перфекта; стали вытесняться старые формы перфектных основ.

Современный этап развития ваханской глагольной системы характеризуется дальнейшей унификацией всех основ по типу правильных глаголов на базе основы настоящего времени; из сочетания перфектной основы с вспомогательным глаголом в прошедшем времени возникло преждепрошедшее время (плюсквамперфект) и т.д. В современном ваханском языке происходит окончательное вытеснение косвенной конструкции, которая сохранилась только в верхнем говоре и употребляется в ограниченных случаях.

В Приложении I (с. 110–140) приводятся семь таблиц глагольных основ по историческим типам, а именно: 1) неправильные глаголы, возводимые к старым (древнеиранским и ранневаханским) основам; 2) правильные глаголы группы I, возводимые к старым (древнеиранским и ранневаханским) основам; 3) неправильные глаголы, перестраивающиеся по типу правильных группы I (имеющие параллельно старые и новые типы основ); 4) тип правильных глаголов группы I, возникших в результате утраты старых (неправильных) форм основ; 5) правильные глаголы группы II, построенные по типу старых каузативных глаголов (с постоянно чередующейся огласовкой ‘*bi*’–‘*o*’ в основах настоящего и прошедшего времени); 6) современные каузативные глаголы (правильные группы III) с суффиксом *-biv*; 7) правильные глаголы группы I позднего происхождения. Сами названия таблиц представляют собой важные тезисы и положения научного исследования автора. Особого внимания заслуживают сопровождающие списки глаголов этимологии, имеющие самостоятельную научную ценность.

Мне кажется только, что издателям следовало бы отделить, в том числе нумерацией, приложение, составленное самим автором к монографии, от приложений, подготовленных собственно издателями, — Автореферата (с. 149–166) и включающего 51 название Списка трудов Б. Лашкарбекова (с. 167–170) (и еще: в Библиографии к исследованию (с. 143–148) следовало бы унифицировать библиографические данные, указав страницы всех привлеченных статей).

Таким образом, опубликованная монография Б. Лашкарбекова является уникальным исследованием, представляющим огромный интерес не только для лингвистов-памироведов, но и для всех иранистов, занимающихся изучением языков в историческом аспекте. Несмотря на то что эта работа была написана без малого 35 лет тому назад и за последнее время появились отдельные очерки по ваханскому языку (например: *Payne J. Pamir Languages // Compendium Linguarum Iranicarum / Herausg. von Rüdiger Schmitt. Wiesbaden, 1989. S. 445–455; Bashir E. Wakhi // The Iranian Languages / Ed. by G. Windfuhr. London; New York, 2009. P. 825–858; и др.*), она остается и останется впредь непревзойденной как по объему привлеченного материала (большая часть которого собрана автором в полевых условиях), так и по глубине анализа.

Издание подготовлено профессионально и с любовью, выбрана удачная фотография (с. 3), передающая настроение и характер автора. За эту публикацию и намерение в будущем издать все остальные статьи ученого, в том числе неопубликованные, издатели, прежде всего дочь Б. Лашкарбекова Мехрангез, заслуживают особой благодарности. Выход в свет монографии «Ваханский глагол в историческом аспекте» Б. Лашкарбекова, известного ученого, исключительно эрудированного специалиста, вдумчивого исследователя и замечательного человека, — событие огромной важности для иранистики.

Review of the book:

B.B. Lashkarbekov. *The Wakhan Verb in Historical Aspect.*

Moscow: Languages of the Peoples of the World; THESAURUS, 2018. 172 pp. ISBN 978-5-98421-342-4 (in Russian).

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 1 (issue 36), pp. 157–163)

Received 15.10.2018.

Olga M. Chunakova

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation; Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University, Universitetskaia naberezhnaia 7/9, St. Petersburg, 199034 Russian Federation.

Key words: the Iranian verb, Iranian historical linguistics, the Wakhan language, Pamir languages.

About the author:

Olga M. Chunakova, Dr. Sci (Philology), Leading Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS; Prof., Department of Iranian Philology, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University (ochunakova@inbox.ru).